

брошюры. Осенью 1919 г. ежедневно печаталось до трехсот тысяч экземпляров листовок¹.

Однако не смотря на размах пропагандисткой деятельности, она не принесла белому движению на юге особых успехов. «Надо откровенно признаться, — писал в своих мемуарах генерал Лукомский, — что наша пропаганда никакой пользы не принесла»².

Наступление армии Деникина на Москву было остановлено. Красная армия оправилась от поражений и перешла в наступление, вытесняя белые войска. Партия большевиков начинала вести все более активную и удачную агитацию своих взглядов среди населения.

Итак, из всего выше сказанного можно сделать вывод о том, что члены партии кадетов принимали активное участие в событиях Гражданской войны в России. Постепенно они стали отходить от демократических принципов, что выразилось в активной поддержке диктаторских режимов генералов Колчака и Деникина.

Слушаев А.

Национальный вопрос в революции и Гражданской войне

В начале XX в. в России проживало более 200 народов и этнических групп. Соответственно, российское государство вынужденно было проводить определённую национальную политику по отношению к нерусским национальностям, от которой во многом зависело спокойствие и перспективы страны. Базовой чертой российского имперства был этнопатернализм, освящённый своего рода унией веротерпимого самодержца с народами. Однако к началу XX в. политика по отношению к инородцам приобрела ярко выраженный национал-шовинистический оттенок.

В. П. Булдаков выделяет два аспекта рассмотрения национальных отношений: «по вертикали» (имперский центр — зависимые народы) и «по горизонтали» (межэтнические взаимоотношения). Исторически этнические конфликты проявляли себя, прежде всего «по горизонтали». Имперско-патерналистическая система, как

¹ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. 1982. — С. 296–297.

² Лукомский А. С. Воспоминания. — Берлин, 1922. — Т.2. — С.145.

правило, использует в это случае принцип «разделяй и властвуй». Каждый этнос «капсулируется» по отношению к традиционному или потенциально враждебному соседу, при этом остаётся открытым канал его обратной связи с высшей надэтнической властью. Но такая система в кризисной ситуации начинает провоцировать «революции этнических ожиданий», которые создают ситуацию, при которой силы «горизонтальной» этноконфликтности временно объединяются в антиимперском порыве. Эта ситуация в должной мере проявилась в Феврале 1917 г.¹

Сразу после революции Временное правительство приветствовали делегации от крупных национальных движений, получившие заверения в отмене национально-конфессиональных ограничений и содействии всем их начинаниям в области культуры и самоуправления. Все ожидали, что свержение царизма автоматически приведёт к решению национального вопроса. Однако, получилось наоборот: Февральская революция подтолкнула, усилила национальные движения. «Революционная акция в многонациональной империи непроизвольно становится действием этнопровоцирующего характера»². Встал вопрос, окажется ли в состоянии Временное правительство, обременённое грузом военных проблем и задач внутреннего преобразования России, удовлетворить требования народов с окраин, не подвергая при этом риску само существование российского государства.

Февральская революция, в то же время, создала предпосылки для либерализации национальной политики: все граждане России получили гражданские права и свободы, а также индивидуальные национально-культурные права. Дискриминирующее, создающее какие-то исключения для отдельных этнических групп, законодательство было отменено. Была восстановлена автономия Финляндии и Царства Польского, которое, впрочем, находилось под немецкой оккупацией. Однако остальным нациям Российской империи не было предоставлено каких-либо коллективных, территориальных прав. Требования автономии были отклонены и решение национального вопроса предлагалось возложить на Учредительное собрание. Но эти намерения не могли обуздать при-

¹ См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – С. 140–142.

² Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопр. истории. – 2000. – № 1 – С. 30.

ведённые в движение революцией национальные силы. Тактика сдерживания и проволочек, напротив, приводила к непрерывно нарастающей радикализации социальных и национальных движений на периферии¹.

В условиях кризиса национальных отношений, охвативших страну, взявших бразды правления страной в октябре 1917 г. пришлось уделить национальной проблеме особо пристальное внимание. На предмет национального вопроса среди большевистского руководства не было единого мнения ещё со времён дореволюционных партийных дискуссий. Практически все партийные лидеры считали его второстепенным, зависимым от главной задачи — осуществления пролетарской революции. Общая стратегическая программа партии и её лидера — Ленина по национальному вопросу — это «сведение всех империй в одну мировую советскую суперимперию с тем, чтобы осуществить вторую часть большевистской программы — денационализация национальностей путём слияния всех наций в один интернациональный гибрид в виде коммунистического человечества»². Тактика большевиков по национальному вопросу основывалась на лозунге предоставления права нациям на самоопределение.

Необходимо учитывать, что взгляды большевиков по национальной проблеме отнюдь не были статичны. Они развивались и уточнялись исходя из анализа реальной исторической обстановки в стране. В пред- и послереволюционных дискуссиях сталкивались различные трактовки права наций на самоопределение, понимания сути объединительного движения народов страны. Доминирующей в первые постреволюционные годы была позиция Ленина.

А. Авторханов выделяет несколько этапов эволюции тактики Ленина по национальному вопросу: когда Ленин ограничивается словесным и условным правом наций на самоопределение без его гарантии (со Второго съезда партии 1903 г. и до Апрельской конференции 1917 г.). Содержание этого права определялось как «содействие самоопределению пролетариата в каждой национальности»; когда Ленин говорит о самоопределении с гарантией государственного отделения (конец апреля до июня 1917 г.) Каждая национальная группа получала право на государственный сувере-

¹ См.: Каппелер А. Россия — многонациональная империя. — М., 1997. — С. 262–263.

² Национальный вопрос на перекрёстке мнений. 20-е годы. — М.: 1992. — С.5.

нитет, если таково было её желание. Если же национальная группа решала не пользоваться этим правом, она не могла претендовать ни на какие специальные привилегии в границах единого Российского государства; когда Ленин выдвигает идею федерации на 1-ом съезде Советов в июне 1917 г.¹

Поменять свои тактические принципы Ленина заставила сложившаяся политическая ситуация. Лозунг «о праве наций на самоопределение» не только не смог убедить меньшинства поддержать новую власть, но и дал им законный повод для отделения, что и происходило на практике. В итоге Ленин решил отказаться от принципа национального самоопределения в пользу федерализма. Правда не настоящего федерализма, когда члены федерации равны и пользуются свободой самоуправления в своих территориях, но специфического «псевдофедерализма», не дающего ни равенства, ни самоуправления, когда государственная власть в стране формально принадлежала советам. В действительности же последние являлись только фасадом, за которым скрывался истинный суверен, Коммунистическая партия. Результатом становился федерализм по видимости со всеми признаками государственности и скрывающими жёстко централизованную диктатуру в Москве. Именно на такой модели Ленин остановился, именно по ней планировалась структура будущего СССР².

После Октябрьского переворота в первом же правительственном акте Совнаркома от 2 ноября 1917 г. — «Декларации прав и народов России» говорилось о праве народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, провозглашалась отмена всех религиозных привилегий и ограничений. В том же ключе 20 ноября 1917 г. публикуется другой документ — «Обращение Совнаркома к трудящимся мусульманам России и Востока». Непосредственными задачами национальной политики был призван заниматься специально созданный Наркомат по делам национальностей во главе со Сталиным³.

В ходе Гражданской войны шел поиск форм и методов советского национально-государственного строительства. Образовыва-

¹ См.: Авторханов А. Империя кремля. Минск — М., 1991. — С. 11–12.

² См.: Пайпс Р. Русская революция. Кн.3. Россия под большевиками 1918 — 1924. — М., 2005 — С. 194.

³ См.: Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917 — 1924 гг. — М., 2003. — С. 11.

лись независимые и автономные советские республики, а также автономные области. Первые национальные автономии и республики создавались во многом для удержания территорий. Однако не всегда это удавалось. В декабре 1917 г. использовала предоставленное ей право на самоопределение Финляндия. Её примеру последовали Литва, Латвия и Эстония. Столь же безоговорочно Советское правительство подтвердило право польского народа на самоопределение¹. Была принята независимость Украины, когда «по Брест-Литовскому договору страны Четверного Союза признали Украину независимым государством и подписали с ней сепаратный договор»². В начале 1918 г. под давлением турок и немцев отделилось Закавказье. Промедление в деле решения национального вопроса грозило обернуться полным крахом власти большевиков.

Советские автономии рассматривались лидерами большевизма не только как тактический прием в борьбе за сохранение власти и удержание территорий. Автономные органы и их представительства в центральных органах власти были средством проведения большевистской политики на местах. Одновременно апробировались государственно-правовые формы будущего союза. В попытке создания первой советской национальной автономии в начале 1918 г. — Татаро-Башкирской — центр в целом и И. В. Сталин как нарком по делам национальностей видели, прежде всего, рычаг для укрепления власти. Вообще тактика Сталина и его сторонников изначально отличалась от ленинской, что спровоцирует их последующие разногласия. Субъектами федерации Сталин считал автономии, лишённые независимости и права на отделение, а саму федерацию с сильной центральной властью рассматривал как переходную ступень к будущему «социалистическому унитаризму»³. Это наложило определённый отпечаток на практику создания первых автономий.

К концу Гражданской войны в составе РСФСР были образованы Башкирская, Татарская, Киргизская (с 1925 г. Казахская) советские автономные республики, а также Чувашская и Калмыцкая

¹ См.: Чистяков О. И. Становление «Российской Федерации» 1917 – 1922. – М.: 2003. – С. 46–47.

² Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917 – 1933 гг. – М., 2004 – С. 218.

³ Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? – М., 1992 – С. 11.

автономные области, Дагестанская и Горская республики¹. Практика национально-государственного строительства продолжилась и в дальнейшем.

Можно утверждать, что, несмотря на все противоречия в национальной политике большевиков, предложенный ими вариант (осуществление принципа самоопределения и образование автономий) соответствовал объективным задачам модернизации многочисленных этносов бывшей империи. Это сыграло важную роль в расширении социальной опоры советской власти и в победе красных в Гражданской войне.

Однако об этнической государственности думали не только большевики, но и их противники. Антибольшевистские правительства и вооруженные силы создавались и действовали преимущественно на окраинах, населенных так называемыми инородцами, и национальная политика для белых изначально была весьма важным фактором в обеспечении социальной, материальной, финансовой поддержки армий.

Одним из таких правительств был самарский Комуч. В его составе учреждался Инородческий отдел, задачей которого было регулирование отношений между национальностями. Комуч стремился к союзу с национальными движениями и организациями на основе признания идеи демократического федерализма. При этом, признавая, что окончательно решать вопрос о будущем государственном устройстве России полномочно только Учредительное собрание, Комуч заявлял своей целью «возрождение государственного единства России». Поэтому он отказывался признавать суверенные права за любым правительством, «откалывающимся от государственного тела России и провозглашающим свою независимость самостийно»².

Существовавшее параллельно Временное сибирское правительство проводило подобную национальную политику. Само оно выступало как орган областной автономии и, откладывая окончательное решение вопроса о правах территорий до созыва Всероссийского учредительного собрания, отказывалось признавать местные правительства, высказывая готовность идти лишь на предоставление культурно-национальной автономии народам Сибири.

¹ Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917 – 1924 гг. – С. 29.

² Национальная политика России: история и современность. – М., 1997. – С. 78.

Образование единого центра антибольшевизма на востоке страны в лице Директории — Всероссийского временного правительства — в сентябре 1918 г., казалось, дало основу для проведения согласованной национальной политики на обширной территории. В «Грамоте Всероссийского временного правительства» от сентября 1918 г. провозглашались широкая автономия и культурно-национальное определение для национальных меньшинств¹. Но все эти заявления не были претворены в жизнь. Это был закономерный шаг, продиктованный требованиями централизации власти и управления, ресурсов и сил в широкомасштабной вооруженной борьбе. Решение национального вопроса, прежде всего предоставление государственного статуса тем или иным образованиям, откладывалось до окончания войны. Уже 18 ноября 1918 г. установление военной диктатуры адмирала А. В. Колчака в Сибири открыло новый этап национальной политики белых в регионе. В обращении к населению верховного правителя России декларировалось стремление к созданию демократического государства, равенство всех сословий и классов перед законом. Правительство обещало, что «все они, без различия религий и национальностей, получают защиту государства и закона»². Но идею единой и неделимой страны почти все национальные движения и организации воспринимали как возвращение к дореволюционной политике.

Убедительным подтверждением провала национальной политики белых служит история взаимоотношений Добровольческой армии с этносами и их организациями на Юге России. Л. Г. Корнилов заявил, что его армия будет отстаивать право на широкую автономию отдельных народностей, входящих в состав России, но при условии сохранения государственного единства. Правда, в отношении отделившихся к тому времени Польши, Финляндии и Украины признавалось их право на «государственное возрождение»³. Однако реализация этих деклараций не состоялась. Сам лозунг единства и неделимости воспринимался на окраинах как противоречащий любым проявлениям национальной самостоятельности. Это приводило к разъединению и ослаблению материальных и моральных сил белых. Только П. Н. Врангель выдвинул

¹ Иоффе Г. З. От контрреволюции «демократической» к буржуазно-помещичьей диктатуре // История СССР — 1982 — № 1. — С. 113.

² За спиной Колчака: Док. и мат. — М., 2005. — С. 452.

³ Национальная политика России. — С. 83.

идею «тактического федерализма» и признал суверенитет Украины¹, но сделано это было слишком поздно, когда исход войны был предрешен в пользу красных.

Решение национальных проблем белые подчинили военным и политическим задачам. Политическое самоопределение народов не предусматривалось, а реализация культурно-национальной автономии в ходе Гражданской войны была затруднена. Это обусловило узость социальной базы белых режимов и как следствие — поражение в войне.

Суханов Д.

Деятельность Л. Д. Троцкого на посту председателя Реввоенсовета в годы Гражданской войны

14 марта 1918 г. в день открытия чрезвычайного съезда Советов, на котором ратифицировался Брестский договор, в «Известиях» появилось постановление Совнаркома о кадровых переменах в армии. Сообщалось о назначении Л. Д. Троцкого членом Высшего Военного Совета и исполняющим обязанности председателя Совета². 6 апреля Л. Д. Троцкий стал одновременно наркомом по морским делам, сменив на этом посту П. Дыбенко. 2 сентября в связи с превращением страны в военный лагерь решением ВЦИК был создан Революционный Военный Совет Республики (РВРС). По предложению Я. М. Свердлова председателем РВРС был назначен Л. Д. Троцкий³.

Рассматривая деятельность Льва Давидовича в данный период надо сказать, что существует два подхода к оценке его личности в данный период. Сторонники одного подхода, акцентируя внимание на негативных аспектах деятельности Л. Д. Троцкого, на ошибках, которые он допускал, не признавали за ним никакого вклада в создание Красной армии. Так считали, главным образом,

¹ См.: Росс Н. Врангель в Крыму. – Франкфурт. 1982. – С. 114.

² Цит. по: Васецкий Н. А. Троцкий: опыт политической биографии. – М., 1992. – С. 107.

³ Там же. – С. 108.